

КАК Я РАЗГРУЖАЛ БАРЖИ

Проезжая недавно милые сердцу места, где я и свиней, и овец пас, и гуська гонял, я невольно ощутил себя молодым и здоровым, позабыв на мгновение о старости. Хорошая все-таки штука - воспоминания. Хоть ты уже совсем не тот, что раньше, но душа по-прежнему молода, а жизнь так прекрасна, что начинает казаться - нет ей конца, а впереди еще столько хорошего и удивительного, а плохое - ну, его к лешему.

Я уже писал, что вместе с рождественской ребяткой, с племянником Вовкой и старшим братом Борисом, разгружал баржи и даже гонял плоты от Галанино до Пискуновки (плот тащил, конечно, катер, а мы с шестами не давали плоту зацепиться за берег). Творчество творчеством, но надо было и кормиться, и одеваться, вот мы и «мышковали», то есть калымили. А как же!

Все это вольно или невольно закаляло меня физически, приводило меня к необходимому пониманию: надо!

Помню жаркий июльский день 1955 года. Галанино. Пристань. Баржа. Некий Попов, крепкий мужик, набирает команду для разгрузки огромной речной посудины. Надо было вытаскивать семидесятикилограммовые кули с мукой из трюма баржи на берег, спускаясь вниз по высокому трапу. Записался и я вместе с братом в команду. «Выдержишь?» - спросил меня строго вербовщик. «Выдержи», - уверенно ответил я. Но, увы, не выдержал: хоть я в то время и гири выжимал, и боролся умело, а силенок все-таки не хватило.

Вместе со взрослыми я то и дело подставлял под очередную кулю свою еще

не совсем окрепшую спину, пошатываясь, спускался вниз по сходням, сваливал ношу и с жадностью пил теплую енисейскую воду. «Не отставай!» - кричал Попов, а я, изможденный конвейерной работой, еле шевелил ногами. «Бросай, Юрка, не выдержишь!» - урезонивал меня Вовка, но я старался не отставать от матерых мужиков. И - о, ужас! - оступился и полетел вместе с кулем в воду. Очнулся я в собственном доме на кровати, тело мое пылало, температура была огромная. Домой меня отправил брат на попутной машине, а сам продолжил разгружать баржу (он был старше меня на семь лет). В тот же день он привез наш скромный заработок. В конторе пристани нас, конечно, обсчитали (как же без этого!), и досталось нам с гулькин нос.

КАК Я ЧУТЬ НЕ ПОПАЛ В ТЮРЬМУ

В жару я провалился целую неделю, а потом вновь оказался на пристани в Галанино. На этот раз мы с Вовкой и Колькой Белоноговым разгружали кирпич и ящики с водкой. Рассчитывали нас сразу после разгрузки.

А питались мы в деревнянской столовой на берегу. Кормили в ней хорошо. Буфетчица Галя была милостивая и общительная. И нам всегда нравилось, когда она вежливо спрашивала: «Вам, мальчики, котлеты говяжьи или свиные?» На что мы отвечали: «И говяжьи, и свиные!» А всякий раз приговаривал: «Дорогая, между прочим, полюбил тебя я очень!» А она хихикала и кокетливо говорила: «Ну и шутник ты, Юрка!»

Но однажды в столовой разразился скандал, закон-

Юрий Варугин: «Это было недавно, это было давно...»

чившийся дракой. Сидели мы и выпивали (бывало и такое) вместе со своим бригадиром Поповым. В разговоре вдруг выяснилось, что это по его вине нас постоянно обсчитывали: он так составлял наряды, что почти все деньги шли в его карман, а нам доставались копейки. Узнав про это, разгоряченные алкоголем, мы, конечно, возмутились. Мой племянник Вовка схватил Попова за грудки (парень он был рослый) и ну давай его мутузить. Разбил ему нос до крови. «Отдавай деньги!» - кричал Вовка. Поддержали его и мы. «Возьмите, возьмите, - бормотал Попов, - только отпустите!» Буфетчица перепугалась, позвала представителя власти (им оказался Павел Скорозвонов, он тогда был каким-то комендантом в Галанино). Немного заикаясь, он затараторил: «В-вы ч-что, в т-тюрьму з-з-захотели? А ну, м-марш отсюда!»

Не помню, чем закончилась эта сцена, но случай этот врезался мне в память. Позднее, когда мы с Павлом Васильевичем были дружны, этот случай мы вспоминали не раз. «А ведь вы тогда запросто могли загреметь, скажи спасибо мне, что все уладил, - а то бы...» Хороший был человек, Павел Скорозвонов, царствие ему небесное.

А с Поповым мы потом помирились и очень успешно гоняли плоты, доставляя их в Пискуновку, на шпаловый завод. Плыть на этих плотках было - благодать! Широкий Енисей, ветерок, голубое небо, чайки... Пока плывешь, сочиняешь стихи: «Ты всегда в душе моей, наш красавец Енисей!».

Часто нам приходилось ночевать в Пискуновке и даже находить на время местных барышень. Наши свидания с ними обернулись для нас однажды крупной неприятностью: на нас налетели местные парни (человек восемь) и поразбивали нам носы. Мы были в меньшинстве и одолеть их не сумели. Хорошо, в это дело вмешался наш земляк, бывший рождественец - Шурка Сериков (атлет, каких поискать). Он-то и разбросал всю ватагу, а нам крикнул: «Удирайте!»

И Шурки уж давно на свете нет... Ах, время, время... Пишу и думаю: неужели это все было? И молодость, и любовь, и вино, и разные-разные шальные глупости, и встречи, и расставания. Где это все? Лишь песни напоминают о том далеком, но милом времени, песни, которые мы поем иногда, да заветные места, по которым некогда бродили мы.

Как было хорошо тогда...
КАК Я БИЛ ШИШКИ

...А в тюрьме я все-таки побывал. И не один, а вместе со своими закадычными друзьями Володькой Соколовым, Борькой Зайбелем и Юркой Лысенко. А случилось это в 1954 году в Вороковке, куда мы приехали на велосипедах из Рождественска бить шишки. Но не успели мы взобраться на первый кедр, как тут же были схвачены деревенской охраной во главе с Колей Чуриловым. Эта охрана следила за тем, чтобы никто не смел добывать орехи раньше времени. А мы вот взяли да посмели.

«Хватай их, ребята!» - крикнул Коля Чурилов. - Вяжи им руки - и быстрее в колхозную контору! Ишь, чего удумали - никто еще шишки не бьет, а они явились - не запылились!» Наподавав нам под зад (сопротивляться было бесполезно - их было много), они через все село повели нас в контору. Велосипеды наши были конфискованы и заперты в колхозном амбаре, куда через некоторое время сопроводили и нас.

Строгий председатель колхоза Титенко, напустив на себя серьезность, коротко сказал: «Посидите, подумайте и поразмышляйте, как жить дальше». И ушел. В отчаянии мы не знали, что делать. Амбар. Сплошная темнота, только сквозь щели на потолке еле пробиваются солнечные лучи, да где-то в углу скребутся мыши. Жутко! Сколько сидеть будем - не знаем. Словом, настоящая тюрьма. Принес нам тюремщик Коля хлеба с водой и с усмешкой сообщил: «Завтра на колхозный покос - сено метать!»

«Да нам же домой скорей надо!» - враз заговорили мы. - Имей совесть!» «Я тут ни при чем, с Титенкой разговаривайте», - отпаривал он.

Чуть позже нас вызвал к себе Титенко и с ухмылкой спросил: «Ну, как, преступники, понравился вам наш кедрач?» - «Понравился» - хором ответили мы. - «Ну и прекрасно, думаю, и покос наш вам понравится» - «Нам домой надо!» - завопили мы. - Отпустите!» - «Ладно, отпускаю, но впредь - чтобы ни-ни! И другим накажите!»

Нам вернули велосипеды, и мы ни с чем отправились восвояси. Но шишек, когда пришла пора, мы все-таки набили и продали их на пристани в Галанино пассажирам парохода «Владимир Маяковский», совершавшего рейс из Красноярска в Енисейск. Вырученные деньги пошли на учебники: надо было идти в 10-й класс. Но Коле Чурилову, который сыграл с нами злую шутку в вороковском кедраче, мы не простили и отколошматили его как следует, когда он однажды поздней осенью появился в Рождественском клубе. «Вот тебе за вороковскую кутузку!» - приговаривали мы, раздавая тумаки.

Много лет прошло с тех пор, но когда приходит пора шишкобоя, я обязательно вспоминаю ту вороковскую одиссею. Вспоминали мы однажды этот случай и с Николаем Чуриловым, сидя на скамеечке у его дома. Вспоминали с доброй улыбкой. «Молодые были, - задумчиво сказал он. - Ссорились по пустякам, а зачем?»

Кто бы знал это: зачем мы деремся, зачем воюем? Кто скажет?..

...Пролистал я все свои воспоминания о детстве и юности, и как-то неловко себя почувствовал. Выходит по ним, что драчун я был - каких еще поискать, агрессивная, можно сказать, личность. Хотя на самом деле никогда не был ни агрессивным, ни злопамятным, ни хулиганистым. Капризы памяти: драки и потасовки (по каким бы причинам они ни возникали) остались в ней потому, что сами по себе были яркими событиями в нашей тогдашней довольно однообразной и очень бедной жизни. Вот и всплывают они в памяти прежде всех других событий. Да и сам жанр - биография - требует хоть каких-либо конфликтов, какого-то противостояния героя (в данном случае меня) с внешними силами. А поскольку в детстве и юности деревенского мальчишки никаких глобальных противоречий не было (и не могло быть: все за нас решали другие), межличностные конфликты остались в памяти яркими пятнами. Не будь их - наши биографии, изложенные на бумаге, читались бы так же скучно, как толстенный том биографии Карла Маркса, который я как-то безуспешно попытался читать.

В общем, не судите обо мне сегодняшнем по моим воспоминаниям: они - это ностальгия по ушедшей юности, по тем временам, когда еще нигде ничего не болело, когда мы были всегда бодры и умели веселиться даже тогда, когда в желудке было пусто, а единственные штаны тет-ка, ворча, штопала каждый вечер, приговаривая: «Последний раз зашиваю! Еще раз порвешь - пойдешь ГОЛЫМ...».

У каждого из нас было свое детство, была своя юность. У меня они были такими, как я описываю...

Юрий ВАРУГИН,
с. Казачинское

